

УДК 930.1

ББК 63.1(2Рос.Кры)4

Пропедевтика изучения каменного века Крыма: к историографии вопроса

А.В. Черкасов¹, М.Н. Козлов², Е.А. Владецкая¹

¹Морской институт имени вице-адмирала В.А. Корнилова — филиал Государственного морского университета имени адмирала Ф.Ф. Ушакова (Севастополь, Россия)

²Севастопольский государственный университет (Севастополь, Россия)

Preliminary Study of the Stone Age in Crimea: Historiographical Insights

A.V. Cherkasov¹, M.N. Kozlov², E.A. Vladetskaya¹

¹Vice-Admiral V.A. Kornilov Maritime Institute, a branch of Admiral F.F. Ushakov State Maritime University (Sevastopol, Russia)

²Sevastopol State University (Sevastopol, Russia)

В статье рассматривается историография становления археологии Крыма как составляющей научного знания России в последней четверти XIX в. Акцентировано, что важную роль в этом процессе сыграли социально-экономические факторы, активизированные после проведения реформ 1860-х гг. и научно-организационные, в частности, попадание археологических памятников в сферу внимания наиболее образованной части общественности (К.С. Мережковский, А.С. Уваров). Крымские исследователи каменного века, ориентируясь на идею об автохтонном, длительном, преемственном развитии культур, считали основой прогресса совершенствование техники и орудий труда. Развивая эволюционистские идеи, ученые формулировали основные цели археологического познания в следующем: подняться к уровню создания всеобъемлющего учения об эволюции первобытных обществ, их развитии и упадке, образовании и трансформации. При этом в философско-историческом контексте авторы не просто описывали и классифицировали археологические памятники и артефакты, но и стремились их проанализировать, выстраивали собственную систему взглядов на смену эпох, культур и отдельных этапов доисторического прошлого человечества. Вместе с тем в последней трети XIX в. археологическое изучение каменного века Крыма проявлялось и в количественном накоплении источников. В частности, были открыты первые палеолитические стоянки, доказана древность существования человека на полуострове, обнаружены первые антропологические останки первобытной эпохи в Крыму, созданы первые обобщенные классификации орудий эпохи камня и собрания археологических коллекций.

The article deals with the historiography of the formation of the Crimean archaeology as a component of scientific knowledge of Russia in the last quarter of the 19th century. It is accented that an important role in this process was played by social and economic factors, activated after the reforms of the 1860s and scientific and organizational, in particular the arrival of archeological monuments in the sphere of attention of the most educated part of society (K.S. Merezhkovsky, A.S. Uvarov). Crimean researchers of the Stone Age, focusing on the idea of autochthonous, long-term, successive development of cultures, considered the basis of progress the improvement of technology and tools. Developing evolutionist ideas, scientists formulated the main objectives of archaeological knowledge in the following: to rise to the level of creating a comprehensive doctrine about the evolution of primitive societies, their development and decline, education and transformation. At the same time, the authors did not simply describe and classify archaeological monuments and artifacts in a philosophical-historical context, but sought to analyze them and build their own system of views on the change of eras, cultures and individual stages of the prehistoric past of humanity. At the same time in the last third of the 19th century archaeological study of the Stone Age of Crimea was also manifested in the quantitative accumulation of sources. In particular, the first paleolithic sites were discovered, the antiquity of human existence on the peninsula was proved, the first anthropological remains of the primitive era in Crimea were found, the first generalized classifications of stone age tools and collections of archeological collections were created.

Ключевые слова: историография, история науки и научного направления, каменный век Крыма, первобытная археология, первобытный памятник, персоналия ученого.

DOI: 10.14258/izvasu(2023)2-12

Знания информационного и историко-проблемного характера по каменному веку Крыма, накопленные за продолжительный период полутора веков, а также фрагментарность, отсутствие общей картины изучения крымской первобытной археологии являются основными факторами, подчеркивающими актуальность настоящей публикации. Цель исследования — историографический анализ начального процесса развития теоретико-методологических основ исторических концепций каменного века Крыма в последней трети XIX в., выявление ключевых проблем и прогнозов их дальнейшего развития.

Ведущими общенаучными принципами при написании статьи стали историзм, объективность и системность, ключевым методом — историографический, применение которого позволило проследить последовательность выработки и использования прочих методов изучения и анализа источников при уточнении проблематики ранних исследований каменного века Крыма. К другим историческим методам относятся: компаративистики, типологии, портретного изложения (биографический) и др. Комплекс археологических методов объективно носит подчиненный характер, включая в первую очередь методы классификации и реконструкции. Эти методы привлекались в контексте их использования отечественными учеными при исследовании и датировке памятников каменного века Крыма.

Развитие первобытной археологии в России первоначально связывалось с любительским коллекционированием разнообразных каменных орудий труда. Первые свидетельства возникновения такого интереса относятся к 20–30-м гг. XIX в. [1, с. 9–10]. В дальнейшем постепенно формировалась организационная структура отечественной археологии, ориентированной на изучение древностей, в первую очередь античной, раннеславянской и восточной эпох.

В 1846 г. по западноевропейскому образцу в Санкт-Петербурге было решено образовать археологическое общество, «посредством которого бы любители археологии и нумизматики могли бы находиться в постоянных сношениях и, сообщая взаимно плоды разысканий и трудов своих, принести некоторую пользу наукам в отечестве, распространяя в оном и вне пределов Империи полезные сведения о фактах археологии и нумизматики» [2, с. 10–11]. В 1864 г. такое общество появилось и в Москве. При этом Московское археологическое общество не только издавало собственный печат-

Keywords: historiography, history of science and scientific direction, Stone Age of Crimea, primitive archaeology, primitive monument, scholarly personality.

ный орган — «Археологические известия и заметки» (с 1893 г.), но и инициировало организацию и проведение систематических археологических съездов, среди секций которых была выделена посвященная «первобытным древностям». Всего за период 1869–1911 гг. проведено 15 таких собраний, результативность которых для развития русской археологии отображалась в первую очередь в издании научных трудов и сборников, организации археологических экспедиций и экскурсий, устройстве тематических выставок, формулировке актуальных вопросов и задач науки, активизации краеведческого интереса в регионах (в нашем контексте — в создании Таврической ученой архивной комиссии и Музея древностей в 1887 г., а также Естественно-исторического музея Таврического земства в 1889 г. в Симферополе) [3, с. 165].

В 1859 г. была основана Императорская археологическая комиссия — центральный координирующий орган археологической деятельности в общенациональном масштабе. Важное значение на начальном этапе развития изучения древнейшей отечественной истории имели также Императорское Русское географическое общество, Общество любителей естествознания, антропологии и географии при Московском университете, Императорская Академия наук, а позже Русское антропологическое общество при Санкт-Петербургском университете и другие институции [4].

Влияние на теоретическое оформление знаний о первобытной истории в России оказывали достижения западноевропейской науки второй половины XIX в., с которыми активно знакомились русские ученые. В частности, с эволюционной теорией Ч. Дарвина, дискуссии о которой развивались не только в связи с противостоянием научного и религиозного мировоззрений, но также в контексте революционно-демократических идей 1860–1870-х гг. Как конкретный результат интегративного воздействия указанных факторов стал призыв известных академиков К.Э. фон Бэра и А.А. Шифнера в 1861 г. к собиранию сведений о каменных орудиях в России и созданию общегосударственного музея древностей [5, с. 3]. В 1864 г. К.Э. фон Бэр в серии научных выступлений вновь актуализировал необходимость изучения древнейшего прошлого Восточной Европы [6, с. 1–20]. А в 1876 г. о важности решения указанного вопроса высказался и датский археолог Й.А. Ворсо [7, с. 5].

Параллельно этому началась практическая реализация поставленных задач. В 1871 г. И.Д. Черский, А.Д. Чекановский и В.А. Бельцов в Иркутске обнаружили первую палеолитическую стоянку на территории России. За этим последовала серия новых открытий в европейской части страны (1873 г., верхнепалеолитическая стоянка Гонцы на Украине (Г.С. Кирьяков и Ф.И. Каминский), 1877 г., Карачаровская верхнепалеолитическая стоянка на Оке (А.С. Уваров)) и др.

Характеризуя в целом процесс становления российской историографии во второй половине XVIII–XIX вв., отечественный исследователь А.А. Севастьянова выделяет три способа информационного отображения истории: авторский, летописно-хроникальный и государствоведческий, при постепенном доминировании первого варианта [8, с. 15]. В Крыму указанная тенденция наглядно себя проявила вместе с наиболее ранними документально зафиксированными археологическими исследованиями на полуострове. В данном случае речь идет о полевых работах одного из основоположников крымской первобытной археологии — ученом-энциклопедисте, естествоиспытателе, философе Константине Сергеевиче Мережковском, обнаружившем на рубеже 70–80-х гг. XIX в. первый нижнепалеолитический памятник на территории европейской части России и в Крыму.

К.С. Мережковский родился 4 августа 1855 г. в Санкт-Петербурге, в семье государственно-служащего. Получил традиционное домашнее образование и в 1869 г. был принят слушателем в юридическое училище. Однако уже в 1875 г. К.С. Мережковский стал свободным слушателем, а в следующем году — казеннокоштным студентом естественного отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета [9, с. 57]. На протяжении академической учебы он под руководством профессора М.П. Вагнера успешно работал в зоологическом обществе, участвуя в многочисленных экспедициях. Так, в 1877 г. К.С. Мережковского наградили премией Общества любителей природоведения за исследование флоры и фауны Белого моря. В 1878 г. были напечатаны авторские труды «Этюды над самыми простыми животными Северной России» и «Диатомовые водоросли Белого моря». В следующем году была опубликована брошюра «Наблюдения над движением диатомовых водорослей» [9, с. 58].

Именно в это время в область научных интересов молодого ученого попала и первобытная тематика. По собственной инициативе К.С. Мережковский организовал единоличную археологическую экспедицию в Крым. Полевые сезоны длились два года — 1879 и 1880 гг. [10]. Однако несмотря на такие сжатые хронологические сроки проведения, результаты

поисков оказались знаковыми. Были открыты первые на территории страны памятники позднего палеолита (Качинский навес, Сюрень I, Волчий Грот и др.); выделены и локализованы ареалы крымского мезолита (вблизи Черкес-Кермена и Сюрени I), высказана гипотеза о существовании в Крыму так называемых погребенных пещер как разрушенных памятников первобытной истории полуострова (у села Кабази), представлен детализированный обзор и описание открытых горных стоянок.

При этом К.С. Мережковский не только проводил полевые разведки с целью систематизации авторских коллекций, но и стремился делать теоретические обобщения, отыскивать ответы на важные вопросы первобытной истории человечества: датировка, периодизация, ареалы расселения и прочее [7, с. 59–60].

Первой палеолитической стоянкой, открытой и исследованной К.С. Мережковским в 1879 г., стал Волчий грот, расположенный в 12 км к востоку от Симферополя в скале известняка над долиной реки Бештерек. Описание этого памятника (впрочем, как и следующих) осуществлялось по разработанной ученым детальной схеме, содержащей следующие составляющие:

- геология и происхождение пещеры (карстование или обрушивание);
- параметры и физико-географические характеристики памятника (сухая или влажная пещера, с широким или узким входом);
- стратиграфическая информация с характеристикой найденных артефактов и органического материала (остеологических остатков), с выводами относительно индустрии и хозяйственной деятельности первобытного человека, проживавшего на территории памятника по культурным слоям;
- обобщающие выводы (список культурных слоев, периодизация обитания первобытного человека на стоянке, общее количество и классификация найденных в процессе исследования каменных орудий);
- характеристика и иллюстрирование собранной коллекции [10, с. 1–11].

К сожалению, собранный в Волчьем гроте археологический материал оказался небольшим (что дало основание ученому считать стоянку временным убежищем первобытного человека), а позже и вовсе был утерян. Остались неопубликованными план памятника и схема его раскопок. Таким образом, датировка стоянки происходила уже преимущественно по двум типичным кремневым орудиям, найденным в гроте. Это небольшое ручное рубило с двусторонней обивкой и ручной остроконечник, изготовленный из плоского кремневого отщепы, которые К.С. Мережковский отнес к переходной эпохе между нижним палеолитом и мустье (около 130–70 тыс. лет до н.э.) [11, с. 16]. Позже мустьерский возраст Волчьего грота подтвер-

дил и французский исследователь Г. Мортилье, переиздавший в 1900 г. в собственной монографии одно из найденных К.С. Мережковским кремневых орудий [12, с. 25].

Первоначальная методика изучения первобытных памятников была оптимизирована К.С. Мережковским в процессе исследования в том же 1879 г. навеса Сюрень I (в Бахчисарайском районе). Здесь ученый работал на протяжении двух сезонов. В первый год он заложил в центральной части навеса небольшой раскоп площадью 3,5x2,5 м, глубиной до трех метров. В двух слоях исследователем были найдены каменные орудия, обломки кремня и большое количество измельченных костей животных. В целом, выявлено около 30 кремневых орудий и два костяных шила. В течение следующего 1880 г. площадь раскопа уже равнялась 60 квадратных метров [13, с. 237–238]. При этом на протяжении второго полевого сезона К.С. Мережковский работал уже не как ученый-любитель, а как представитель Русского географического общества, частично на средства этой организации. Кроме этого, у него имелся предварительно утвержденный план и инструкции по исследованию «пещер с костями» под редакцией Г.Е. Шуурского [14, с. 9–10].

Совершенствование методики раскопок пещер в XIX в. заметно опережало таковое для стоянок открытого типа. Уже геолог Г.Е. Шуурский (1878 г.) упоминал в качестве «научных методов раскапывания» съемку плана пещеры, разметку центральной линии, послойное вскрытие отложений участками («кубическими глыбами») перпендикулярно центральной линии с проведением параллельных разрезов. О послойном стратиграфическом исследовании пещер писал и К.С. Мережковский (1881 г.), что способствовало совершенствованию методики раскопок пещерных памятников первобытной эпохи.

В процессе раскопок Сюрень I особенностью авторской методики стал аналитико-логический подход к организации и проведению исследований. Так, К.С. Мережковский заложил первый раскоп (шахту, по терминологии самого ученого) не традиционно у входа, а в глубине пещеры. Такую позицию он объяснил физико-географической спецификой памятника. Обычно первобытные жители гротов и навесов располагали очаг у входа с целью избегания задымления жилья. Однако в отличие от стоянок с узким входом, Сюреньский грот обладал широким открытым устьем. Следовательно, по мнению К.С. Мережковского, размещение очага за карнизом грота могло привести к его затуханию в результате ветра или дождя. Целесообразным стал перенос очага к средней площадке в пещере. Раскопки ученого в совокупности с наблюдениями случаев пребывания в гроте во время ненастья крымских татар, полностью подтвердили гипотезу [10, с. 8–9].

Двухгодичные исследования на памятнике доказали существование в первой пещере двух разных слоев. Это свидетельствовало о двух разных культурах каменного периода. Относительно датировки выявленных остатков К.С. Мережковский достаточно осторожно высказался следующим образом: человек каменного века проживал в Крыму в аллювиальный период, когда уже не существовало таких животных, как мамонт, носорог, пещерный медведь и им подобные [15, с. 122]. Своеобразной новацией в процессе систематизации и изучения собранного материала стало привлечение исследователем данных компаративно-этнографического характера. Например, найденные в Сюрени кремни с остатками красной охры ученый интерпретировал как свидетельство проявления эстетического вкуса и религиозно-мистических верований первобытного человека, который, подобно аборигенам Африки и индейцам Америки, применял естественные растительные краски для окрашивания тела, одежды, посуды, а также с целью охраны от злых духов и ведения боевых действий [10, с. 38–39]. К.С. Мережковский правильно сформулировал научное значение Сюрени как памятника первобытной истории региона. Среди качественных характеристик стоянки автор отметил ее многослойность, четкую стратиграфию, исключительное обилие и разнообразие культурных остатков, которые предоставили возможность выявить своеобразие путей развития верхнепалеолитических культур полуострова.

Обнаружив в 1879 г. еще одну первобытную стоянку у села Дегерменкой (ныне — Предушельное) — Качинский навес, К.С. Мережковский, руководствуясь упомянутым планом, также осуществил ее тщательный обзор и рекогносцировку. В частности, на поверхности пола грота был идентифицирован новейший культурный слой, образованный в силу того, что «татары со своими быками и маджарами останавливаются здесь во время ненастья» [11]. Ученый собрал и описал многочисленные остатки разбитых и отчасти обугленных костей, углей и каменных орудий труда. Революционное значение среди находок ученого заняли идентифицированные части человеческого скелета рядом с каменными палеолитическими орудиями. Это были две половинки нижней челюсти с зубами и поврежденной лопаткой. Исследователь допускал, что в Качинском навесе в будущем будет найден и полный скелет древнего человека, а, возможно, несколько захоронений. Таким образом, в планах К.С. Мережковского значилось: «если я продолжу собственные раскопки в будущем 1881 г., то это место будет одним из первых, куда я пожалуй в надежде найти важные антропологические указания» [11].

Таким образом, в процессе практических поисков ученого постепенно формировался инструмен-

тарий полевых исследований первобытной истории и вырисовывались конкретные представления о приёмах раскопок. После крымских экспедиций в 1887 г. к хрестоматийной «Программе» Г.Е. Щуровского К.С. Мережковским были введены авторские дополнения и коррективы. Например, если Г.Е. Щуровский рекомендовал точную фиксацию находок с помощью разбивки исследуемой площади памятника на квадратную сетку, К.С. Мережковский излагал идею проведения раскопок еще меньшими квадратами послонно, оставляя между ними узкие контрольные перемычки. На основе определенного состава фауны ученый предлагал делать выводы о возрасте культурных остатков памятника, о гидрологии крымских рек в прошлом. Также К.С. Мережковский обосновал предположение о возможности установления абсолютного возраста пещерных отложений путем измерения щебня, который осыпался с потолка, накопленного в верхнем слое, следовательно, отложенного за весь исторический период.

Отдельную позицию занимали идеи ученого о выделении локальных подразделений верхнего палеолита, в частности, подобие крымского и кавказского палеолита. К.С. Мережковский писал: «Такое поразительное подобие доходит до того, что, например, крымские находки из Кизил-Кобы целесообразно рассматривать как местную вариацию египетских типов. Следовательно, можно сделать предположение, что когда-то каменная культура Египта и Крыма была общей и одна вышла из другой» [15, с. 304–305].

Другими словами, ознакомившись с коллекциями каменных орудий из Египта и Сирии и найдя достаточно аналогий с собственными крымскими материалами, К.С. Мережковский связывал это сходство с путями расселения древнего человека из Африки через Ближний Восток. Таким образом, в трудах ученого зарождалась традиционная для отечественной науки тема соотношения палеолитических культур Крыма и Кавказа с Востоком [15, с. 311]. Позднее данная проблематика нашла воплощение в трудах С.Н. Замятнина, Г.П. Григорьева, И.И. Коробкова, Н.О. Бадера и др. [12, с. 25–26].

Считая необходимой организацию дальнейшего изучения первобытной истории Крыма, отмечая значение этих разведок для отечественной истории в целом, К.С. Мережковский указывал: «Невзирая на то, что раскопки стоят достаточно дорого, их надо непременно осуществлять; я убежден, что результаты, бесспорно, вознаградит за весь труд и расходы с этой деятельностью» [11, с. 15].

К сожалению, итоговыми результатами полевых исследований К.С. Мережковского стали лишь небольшие публикации «антропологических» статей и отчетов. Запланированная автором монография о первобытной истории Крыма так и не была издана. Коллекция найденных кремней оказалась частично

затерянной, частично распыленной по разным музеям. В 1920-х гг. С.Н. Замятниным было найдено несколько напечатанных К.С. Мережковским таблиц, подготовленных для нереализованной монографии.

Но если оценка деятельности К.С. Мережковского в отрасли исследований первобытной истории Крыма академической наукой характеризовалась традиционно положительно, то выяснение причин внезапного исчезновения интереса ученого к археологическим поискам вызвало определенную дискуссию. В 20-х гг. XX в. Г.А. Бонч-Осмоловский указывал на неблагоприятные социокультурные и исторические условия 1880–1890-х гг., когда исследования в отрасли первобытной археологии вступили в противоречие с официальной идеологией общероссийской действительности, базирующейся на триаде «самодержавие — православие — народность». Влияла и политическая реакция как следствие активной деятельности представителей революционных народников [9, с. 61]. А.А. Формозов считал, что факт «исчезновения интереса ученого к проблематике отечественного каменного века» нельзя ограничивать лишь внешними факторами. К этому следует прибавить и внутренний психологический кризис интеллигенции на стыке XIX–XX вв., потерю веры в прогресс и высокие идеи научного творчества. Это, по мнению А.А. Формозова, подтверждал факт, что, находясь во Франции, т.е. за пределами влияния русской цензуры, на протяжении 1881–1883 гг. К.С. Мережковский почти не занимался исследованиями по вопросам первобытной истории, напечатав только небольшую статью о Волчьем гроте [9, с. 62]. Другим фактором, по мнению А.А. Формозова, стали особенности личной жизни ученого, общественная мысль и слухи о его моральных качествах и мистико-реакционных наклонностях, в том числе периодические психические депрессии. Такую информацию распространяла во времена К.С. Мережковского периодическая пресса, например журнал «Казанский телеграф». О душевной болезни К.С. Мережковского писал и Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Другими словами, угасание интереса К.С. Мережковского к первобытным исследованиям детерминировалось совокупностью как внешних, так и внутренних факторов. Тем не менее в истории отечественной археологии К.С. Мережковский занял достойную позицию, и его, пусть небольшое по объему, но важное по значению историческое наследие свидетельствует, что период пропедевтических исследований отечественных первобытных памятников осуществлялся не столько центральными научными учреждениями, а преимущественно отдельными сподвижниками и активистами. При этом научные подходы ученого вполне отвечали уровню академической науки того времени, дополняя и обогащая ее инструментарий.

Открытия К.С. Мережковского стали отправной точкой начала отечественной историографии первобытной истории Крыма. Важным шагом на пути первичной систематизации немногочисленного пока материала стал выход в свет двухтомного труда А.С. Уварова «Археология России. Каменный период» (Уваров, 1881). Отметим, что первобытная тематика, изучение которой, по мнению самого А.С. Уварова, способствовало созданию целостной картины истории человечества, всегда находилась в поле его интересов. «Археология, — акцентировал ученый, наука, изучающая древний быт народов по всем памятникам какого бы то ни было рода, оставшимся от древней жизни каждого народа»; ее конечной целью должна стать «полная картина жизни древнейших обитателей России», и, создав такую картину, археология «восходит до пояснения законов природы, которые постепенно раскрывают нам первоначальную историю человечества» [16]. Выступая на III Археологическом съезде в Киеве в 1874 г., А.С. Уваров указывал: «Неведение нашей первобытной археологии не может служить предлогом для исключения ее из общего объема всей русской археологии. Хотя теперь, в данную минуту, мы не дошли еще до полного уяснения, каким народам принадлежат все эти памятники, и какое могли иметь влияние эти народы на последующих насельников России, однако, и теперь мы не вправе отрицать а priori всякую связь между этими народами первобытной эпохи с нашими историческими племенами, тем более, что народы бронзового периода в последовательности эпох служили наверно средним звеном между этими племенами каменного века и племенами, упоминаемыми в летописях» [17, с. 33]. В приведенных словах ученого содержалось четкое понимание исторического характера первобытной археологии как науки, которого не было еще у многих исследователей каменного периода, видевших в своих работах лишь область антропологии или геологии.

Первый том указанной комплексной сводки, по идее автора, должен был составить подробный обзор «каменного периода». Сборник был опубликован в двух выпусках в 1881 г. и, кроме полутысячи страниц описаний, включал множество таблиц и сотни рисунков вариативных типов первобытных орудий. Соотношение геологических и археологических данных, увязка местонахождений с ледниковыми отложениями, характеристика пещер и остатков жилищ палеолитической эпохи — все это дало основание автору не только полноценно охарактеризовать жизнь древнейших обитателей России, но и убедительно опровергнуть мнение, высказанное в 1869 г. датским археологом Й.А. Ворсо о сравнительно позднем заселении Русской равнины [18, с. 99]. А.С. Уваров учел практически все находки каменных орудий, сделанные к 1880 г. в России, описав 6428 пунктов. Были пе-

речислены находки костей четвертичных животных, предпринята попытка проиллюстрировать быт человека каменного века с выделением двух этапов: палеолита, когда люди охотились на мамонтов и носорогов, и неолита, когда они занимались рыболовством и охотой на мелких животных. Основные положения книги Уварова, в частности, идея о распространении человека в Европу из Азии или о существовании искусственных неолитических пещер — дань эпохе. Но сводка материала остается и сохраняет известную ценность и в наши дни. Другими словами, ученый первым сделал шаг от сбора материалов о древностях России к систематизации их, положив начало той работе по классификации коллекций, которую успешно развили в конце XIX — начале XX в. В.И. Сизов, А.А. Спицын, В.А. Городцов. Но самое главное то, что А.С. Уваров ввел материалы каменного века в общую систему русских древностей, предотвратив отрыв первобытной археологии от остальных ее разделов.

В контексте рассматриваемой монографии А.С. Уваров стал первым историографом и исследователем творчества К.С. Мережковского. Так, автором было зафиксировано, что именно К.С. Мережковский открыл в 1879 г. первую на территории полуострова палеолитическую стоянку — Волчий грот. При этом ученый приводил разработанную исследователем стройную схему описания первобытного памятника, включающую такие пункты, как геология и происхождение пещеры; параметры и физико-географические характеристики; стратиграфическую информацию с характеристикой найденных артефактов и остеологических остатков; заключения и иллюстрирование выводов по вопросам периодизации, индустрии и хозяйственной деятельности первобытного человека, который обитал на стоянке в соответствии с каждым культурным слоем [11, с. 11].

Описывая наиболее показательные находки К.С. Мережковского, А.С. Уваров отмечал важное значение проведенных на полуострове разведочных работ. К заслугам исследователя автор монографии причислял собственно открытие каменного века Крыма и Северного Причерноморья в целом; локализацию первых пещерных стоянок на юге России (которые впоследствии стали эталонными); начало изучения открытых неолитических стоянок первобытного человека на горных плато и находки первобытных артефактов на побережье Черного моря. Указывая на перспективность дальнейших исследований подобного плана в Крыму, А.С. Уваров отмечал, что К.С. Мережковский собрал такое количество каменных орудий и указал на такое количество пещер, навесов и стоянок каменного века, что нельзя сомневаться в полном успехе дальнейших поисков в регионе, которые, несомненно, должны были предоставить орудия новых форм и пополнить сведения

об ископаемой фауне и флоре, о занятиях первобытного человека [19, с. 282–283]. Кроме пропедевтики персоналистического подхода в историографическом анализе, в монографии А.С. Уварова впервые в отечественной литературе был представлен перечень первобытных памятников Крыма. К ним относились пещера Иограф над Ялтой, пещеры и гроты в бассейнах рек Бештерек (в том числе Волчий грот), Альма (Кабазы), Бельбек (Сюрень), Кача (Качинский навес), местонахождения на северных склонах Чатыр-Дага в районе Краснолесья под Симферополем. Ссылаясь на данные К.С. Мережковского, А.С. Уваров акцентировал внимание на том, что в этих локациях зафиксированы остатки очагов с костями ископаемых животных, найдены фрагменты скелета первобытного человека (две половины человеческой челюсти и лопатка в Качинском навесе), а также собраны коллекции каменных орудий, ядрищ, ножей, наконечников, среди которых присутствовали и специфические, характерные только для Крыма маленькие орудия треугольной и трапециевидной форм (по образному выражению К.С. Мережковского, «настоящие доисторические фабрики и мастерские»). Кроме этого, отдельную позицию составляли два костяных орудия в виде небольших шильев [19, с. 282].

Подчеркивая важное научное значение коллекций первобытных артефактов К.С. Мережковского, собранных на открытых стоянках равнинного Крыма и в пределах яйлы, составитель «Археологии России» характеризовал не только количественно-видовой состав составляющих их кремневых орудий (ножи, скребки, осколки-наконечники). Так, ссылаясь на большое количество найденных обработанных каменных ядрищ, А.С. Уваров высказал мнение о местном происхождении первобытной индустрии полуострова, относя последнюю к «переходной эпохе». К признакам такой принадлежности ученый относил «наличие многочисленных ножей и осколков, тонкие и самых миниатюрных размеров; подправку инструментов с помощью мелких ударов острого отбойника; черепки от глиняных сосудов; поперечные наконечники для стрел, изготовленные из обломков ножей и прочее» [19, с. 283]. Инновационным стал и проведенный А.С. Уваровым историко-компаративный анализ первобытных орудий Крыма с аналогичными артефактами, найденными на территории России (бассейн р. Глаза), Польши, Чехии, Дании, Египта. Например, автор писал, что «трапециевидные наконечники для стрел, в которых лезвие не расположено по длину наконечника, а напротив, поперек его передней плоской части», были найдены в большом количестве в Варшаве и Праге. «Находки К.С. Мережковского свидетельствовали, что такая своеобразная форма поперечных наконечников возникла из желания воспользоваться даже обломками

кремневых ножей... В крымских наконечниках четко заметны следы осколка от ножа, между тем, как «варшавские» отбивались специально из кремня по этой форме. Таким образом, можно считать крымские наконечники прототипами польских», – резюмировал А.С. Уваров [19, с. 285].

Таким образом, в комплексном труде А.С. Уварова в общую систему русских древностей были введены материалы по каменному веку, тем самым нивелирована тенденция отрыва первобытной археологии России от остальных ее разделов. Кроме этого, впервые было заявлено об особенном значении Крымского региона в исследовании вопросов древнейшей истории европейской части России, реализованы первые попытки историографического анализа изучения древнейшего прошлого полуострова.

Исходя из вышеизложенного можно выделить две персонифицированные тенденции в развитии первобытной археологии Крыма в последней трети XIX в.: практические поиски памятников каменного века на полуострове (деятельность К.С. Мережковского) и первые попытки провести историографический анализ этого процесса (сочинение А.С. Уварова). При этом в трудах исследователей описание и графическая фиксация (в тех случаях, когда она приведена) носили еще достаточно условный и приблизительный характер, стиль и содержание работ были ближе к традиционному жанру «ученых путешествий» с экскурсами в область географии, этнографии, антропологии.

Вместе с тем к теоретико-методологическим достижениям пропедевтического этапа исследований каменного века Крыма следует отнести:

- совершенствование приемов полевого исследования (в частности, методики раскопок пещерных памятников палеолита);

- становление понятийно-категориального инструментария первобытной археологии (в большей степени русские эквиваленты французских названий основных категорий каменных и костяных орудий, в дальнейшем вошедшие в обиход) и выработка правил ориентации и зарисовки изделий из камня (безупречные с современной точки зрения штриховые рисунки К.С. Мережковского) [20, с. 301–302];

- актуализацию разработки типологии каменных орудий. В связи с этим показательным является высказывание К.С. Мережковского, который впервые в отечественной первобытной археологии именно на крымском материале обратил внимание на этот аспект: «Если бы меня спросили, для чего антропологи столько трудятся над изучением формы каменных орудий, для чего такое точное описание их типов и подразделений, какую пользу может извлечь наука из такого по-видимому мелочного разбора этих камешков, то я отвечу, что именно таким тщательным установлением типов каменных орудий одной местности и затем

другой местности делается возможным основательное сравнение обеих местностей в этом отношении, только тогда возможно найти между ними сходственные и отличительные черты и, основываясь на таком анализе, решить вопрос о сходстве культуры обоих народов, населявших эти местности, а, может быть, если и другие данные это позволяют, и вопрос о сходстве и различии племенном» [10, с. 138];

- возникновение интереса к палеолиту зарубежных территорий, в первую очередь Западной Европы и Ближнего Востока, постановка проблемы соотношения палеолитических культур Крыма и Кавказа с Востоком.

Вместе с тем первый этап в развитии истории и историографии изучения каменного века Крыма в практическом смысле проявился в первую очередь в необходимом количественном накоплении археологических источников по эпохе первобытной археологии. Были открыты первые палеолитические стоянки (Волчий грот, Качинский навес, Сюрень I, Кабази), доказана древность существования человека на полуострове, обнаружены первые антропологические останки первобытной эпохи в Крыму (Качинский навес), созданы первые обобщенные классификации орудий эпохи камня и собрания археологических коллекций.

Библиографический список

1. Формозов А.А. Собиратели каменных орудий в России в середине XIX в. // Советская археология. 1981. № 3.
2. Первый отчет Археологическо-нумизматического общества в Санкт-Петербурге. Заседания 1–5 [1–10 — на обл.]. С восемью таблицами рисунков. СПб., 1847.
3. Серых Д.В. Всероссийские археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX — начале XX вв. Казань, 2014.
4. Васильев С.А. Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых. СПб., 2008.
5. Бэр К.Э., Шифнер А.А. Предисловие. Северные древности Королевского Музея в Копенгагене, отобранные и объясненные профессором Копенгагенского университета Й.А. Ворсо. СПб., 1861.
6. Бэр К.Э. О самых древних жителях Европы // Записки Русского географического общества за 1863 г. СПб., 1864.
7. Ворсо Й.А. Расселения и древнейшие культурные отношения России и Скандинавского севера // Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1876.
8. Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII века. Ярославль, 1990.
9. Формозов А.А. Начало изучения каменного века в России: Первые книги. М., 1983.
10. Мережковский К.С. Отчет о предварительных исследованиях каменного века в Крыму // Известия Русского географического общества. СПб., 1880. №XVI.
11. Мережковский К.С. Отчет о предварительных исследованиях каменного века в Крыму. СПб., 1880.
12. Бадер О.Н. Волчий грот, некоторые результаты его изучения // Исследование палеолита в Крыму (1879–1879). Киев, 1979.
13. Векилова Е.А. Стоянка Сюрень I и ее место среди палеолитических местонахождений Крыма и ближайших территорий // Материалы и исследования по археологии СССР. №59. М., 1959.
14. Щуровский Г.Е. Программа для исследования костеносных пещер // Известия Русского географического общества за 1879 г. №XV. СПб., 1880.
15. Мережковский К.С. Каменный век в Египте и Сирии // Известия Русского географического общества. № XVII. СПб., 1881.
16. Лебедев Г.С. История отечественной археологии, 1700 — 1917 гг. СПб., 1992.
17. Уваров А.С. Что должна обнимать программа для преподавания русской археологии, и в каком систематическом порядке должна быть распределена эта программа. Киев, 1875.
18. Бочкарев В.С. Система трех веков // Проблемы культурогенеза и культурного наследия: Сборник статей к 80-летию В.М. Массона. СПб., 2009.
19. Уваров А.С. Археология России. Каменный период. Т. 1, №X. М., 1881.
20. Merejkowsky C. Station moustérienne en Crimée. // L'Homme. P., 1884. №10.